

Евгений Чекрасов

БЛИН – СЕКРЕТНЫЙ АГЕНТ

ЧЁРНЫЙ КОТЁНОК

#эксмогемство

Черный котенок (ЭКСМО)

Евгений Некрасов

Блин – секретный агент

«ЭКСМО»

1999

УДК 821.161.1-053.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Некрасов Е. Л.

Блин – секретный агент / Е. Л. Некрасов — «Эксмо»,
1999 — (Черный котенок (Эксмо))

ISBN 978-5-04-091924-6

С вами когда-нибудь бывало такое – идёте в гости, а попадаете в логово преступников? С Дмитрием Блинковым по прозвищу Блин и его лучшей подругой Иркой однажды случилась именно такая история. К счастью, лучший сыщик из всех восьмиклассников никому не даст застать себя врасплох. Но, только вычислив настоящего преступника, Блин понял, насколько опасная игра предстоит ему в этот раз...

УДК 821.161.1-053.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-091924-6

© Некрасов Е. Л., 1999
© Эксмо, 1999

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	19
Глава 5	23
Глава 6	25
Глава 7	28
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Евгений Львович Некрасов

Блин – секретный агент

© Е. Некрасов, 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

Глава 1

Ссылка восьмиклассников

Некоторые сперва заведут детей, а потом начинают думать, куда их девать.

Папа Блинкова-младшего при всем желании не мог посвятить себя единственному сыну. Он из своей последней экспедиции вернулся в таком виде, что его только и приняли в институт Склифосовского. В Венесуэле, над бескрайней южноамериканской сельвой, сломался вертолет, в котором летел старший Блинков. Вместе с пилотом и пассажирами он хлюпнулся, к счастью, в болото. Все остались живы, правда, папа отшиб себе что-то в животе и второй раз за нынешнее лето сломал ногу. Такая уж опасная была у него профессия – ботаник.

Так, про папу мы все выяснили, маму оставим на потом. Какие еще родственники могут быть у человека?

Керченский дедушка Блинкова-младшего тоже лег в больницу. С ним ничего особенного не случилось. Просто летом больницы пустуют: все больные выздоравливают и едут на садовые участки выращивать помидоры. А дедушка круглый год жил в сельском доме. Ему опротивело выращивать помидоры. Он сказал, что ляжет на обследование, чтобы государственная больница не пустовала, а уж от чего лечить – врачи найдут.

Московская бабушка Елизавета Михайловна привыкла жить одна со своей собакой Графкой. Она боялась, что ей навяжут Блинкова-младшего, капризничала и говорила, что за ней самой присматривать нужно. Надо сказать, что и Блинкову-младшему совершенно не улыбалось жить в ее душевной квартире, пропахшей Графкой. Однажды ночью он хлебнул по ошибке водички из стакана с бабушкиными вставными зубами, и это воспоминание леденило его душу.

Наконец, мама. Она добилась большого успеха на своей службе в контрразведке: вышла на след целой группы террористов. По этой причине ей срочно понадобилось вылететь в одну горную республику. Раньше она иногда брала сына в такие командировки, особенно на юг, но теперь сказала, что это не тот случай.

«Не тот случай» был у мамы деликатным синонимом «не твоего ума дела», а «не твое дело», в свою очередь, означало «служебную тайну», поэтому задавать ей дополнительные вопросы бесполезно.

– Ничего, сдам тебя дяде Ване. Ты у него, конечно, грязью зарастешь, но человеческий облик потерять не успеешь, – решила мама и, не откладывая в долгий ящик, стала звонить по телефону.

Дядя Ваня Блинкову-младшему никакой не дядя, а полковник налоговой полиции Кузин. Его никто не называл дядей Ваней. Мама с очень давних пор, когда они вместе служили в контрразведке и были лейтенантами, звала его Ванечкой, папа – Иваном, Блинков-младший – Иваном Сергеевичем. Но когда родители говорили о нем с Блинковым-младшим, они считали необходимым перевести «Ивана Сергеевича» в «дядю Ваню». Для недоразвитых. Словно опасались, что единственный сын может подумать, будто они говорят о Тургеневе.

– Занято, – сказала мама, несколько раз набрав номер. – Пойду собираться, а ты пока сбегай к ним, позови дядю Ваню или хотя бы скажи Ире, чтобы положила трубку. Мне совсем некогда, самолет через два часа.

И Блинков-младший пошел осчастливливать Ивана Сергеевича, который еще знать не знал, что ему вдобавок к собственной дочке сдадут еще и сына друзей.

Вообще-то ничего необычного в этом не было. Полковник сам сколько раз сдавал Блинковым свою Ирку, и все к этому привыкли. В свое время он и мама Блинкова-младшего почти одновременно получили у себя в контрразведке квартиры и оказались соседями по двору.

Блинковы в первом корпусе, Кузины во втором – очень удобно для обмена детьми, и вещи перетаскивать не надо.

Иван Сергеевич жил вдвоем с Ирккой, без жены, и часто заходил к Блинковым, чтобы, как он говорил, погреться у домашнего очага. Хотя на самом деле футбол смотрел по телевизору. Он просто не представлял себе, что кто-то может не смотреть футбол. Он говорил: «А я шел мимо и думаю: сегодня же «Трактор» с «Нефтяником», они, как дохлые мухи, ползать будут. Дай, думаю, зайду, а то Олегу страх как скучно смотреть одному». И старший Блинков из вежливости садился с Иваном Сергеевичем смотреть, как ползают «Трактор» с «Нефтяником».

По дороге Блинков-младший придумывал какое-нибудь язвительное замечание для Ирки, которая часами могла висеть на телефоне. Но идти было недалеко, и ничего острее, чем: «Опять треплешься?» – он выдумать не успел. Так и сказал, когда дверь стала открываться:

– Опять треплешься?

– Да мне по службе надо было. Я больше не буду, – виновато сказал полковник, потому что это был он. И еще стал, как смущенная первоклассница, возить по полу носком домашней тапки сорок пятого размера.

Блинков-младший покраснел, а Иван Сергеевич расхохотался и втащил его в прихожую, приговаривая:

– Не через порог, не через порог!

Они пожали друг другу руки, и полковник потащил его дальше, на кухню. Там у мойки стояла Ирка и чистила селедку.

– Могла бы и сама открыть, – заметил ей Блинков-младший.

Ирка вместо ответа показала перепачканные селедкой руки. Язык она тоже просто не могла не показать. Потому что Иван Сергеевич воспитывал дочку один и сам с удовольствием признавал, что она растет бандиткой.

Тем временем полковник взял со стола телефонную трубку и закончил разговор, прерванный из-за Блинкова-младшего:

– Собственно, мы все уже решили. Завтра между девятью и девятью двенадцатью вы скапливаетесь в банке. В штатской одежде, естественно. А в девять тринадцать я приезжаю, как положено, в форме и с мигалками, и мы их берем... Есть! – И он решительно швырнул трубку на рычаги.

– Позвоните маме, – сказал Блинков-младший. – Она улетает в командировку, а меня хочет сдать вам.

У полковника стало такое траурное лицо, как будто ему не подростка навязывают, а цыганский табор с лошадьми и медведями.

– Пап, сдали бы вы нас в поликлинику для опытов и не мучились, – предложила Ирка и захихикала, отвернувшись к мойке. – Ой, я не могу с вами, господа офицеры! Ты скажи Митьке, скажи!

– Вообще-то я собирался в Петербург, – мрачно сообщил Иван Сергеевич и стал тыкать в кнопки телефона.

Блинкову-младшему можно было не объяснять, кому в таком случае он собирался сдать Ирку.

С мамой полковник разговаривал по-военному отрывисто.

– Оля? Что там у тебя?.. Когда?.. Что ты говоришь?! Надолго?.. Конечно!.. Устрою, не сомневайся!.. Прослежу!.. Десять минут у нас есть?.. Да я сам тебя отвезу. Сейчас буду. Есть!

После такого решительного разговора полковник, не кладя трубку, позвонил какому-то Николаю и начал с того, что спросил о здоровье его деревенской бабушки.

Блинков-младший с Ирккой переглянулись. Разговор был явно не ко времени. А полковник затеял пространную беседу о хворях старушек вообще и бабушки Николая в частности.

– Значит, говоришь, иногда так спину ломит, что она и подняться не может? Так прямо и лежит пластом?.. Да, ты прав. Пластом – это слишком. Если пластом, то почему в больницу не ложится? Но ходить за хлебом ей, конечно, очень трудно. Просто невозможно. Пять километров – это чересчур для такой ветхой старушенции! Пять до магазина, пять обратно – да она у тебя просто на части развалится. Ну, ничего, Николай, не расстраивайся. Развалится – соберем. Пришлем ей в деревню парочку специалистов по сборке развалившихся старушек... Нет, двоих. Еще Ольгиного сына. Ольги Борисовны, из контрразведки. Ты ее должен помнить... Ну, в дачном поселке, когда они решили, что мы террористы, и чуть не открыли огонь.

Тут специалисты по сборке развалившихся старушек наконец сообразили, что речь идет о них. И о том, что Иван Сергеевич собирается сослать их в деревню, где за хлебом надо ходить пять километров. Видно, тот еще очаг культуры эта деревня.

Ирка в сердцах так швырнула селедку, что та, скользнув по изгибу кухонной мойки, выскочила на пол.

Подбери – движением брови приказал Иван Сергеевич. У него эти игры в капризную принцессу не проходили. Блинкову-младшему жаль стало Ирку. Он вернул прыгучую сельдь на место и шепнул:

– Ничего, Ир, вдвоем не так скучно. В лес ходить будем...

– ... А по вечерам ты станешь плести лапти, а я прясть при лучине, – продолжила эта ехидина. – Размечтался! Да я сроду не жила в деревне и не собираюсь! Там, наверное, ничего нет! Ванной нет! Телика нет!.. – Она сделала трагическую паузу и закончила голосом человека, приговоренного к расстрелу тупыми пулями: – ТАМ, НАВЕРНОЕ, И ТЕЛЕФОНА НЕТ!!!

– Тише, болтуны, – шикнул на них Иван Сергеевич. А телефонному Николаю сказал:

– Сейчас и подъезжай, чего тянуть? Нет, до субботы не терпит. Завтра днем я уезжаю. Есть! Ой, погоди, нет! Я повезу Ольгу в аэропорт, вернусь часа через два. Если подъедешь раньше, меня не дожидайся. Забирай ребят и езжай, у вас дорога долгая. Теперь есть!

Блинков-младший не первый раз заметил, что, когда полковник говорит на прощание своим сослуживцам: «Есть!» – это у него звучит как: «Выполняйте!» А «Есть!», сказанное друзьям, означает: «Всего вам доброго, извините, если что не так».

– Задача ясна? – спросил полковник, положив трубку.

– А как же! Старушку по частям собирать, если развалится, – отрапортовала Ирка. – Пап, у тебя совесть есть? Мы, что ли, декабристы, чтобы нас в деревню ссылать?

– Можешь взять с собой тетрадку и записывать все, что обо мне думаешь. Я прочту, обещаю, – отрезал Иван Сергеевич. – Мы с Николаем хотели тебя попросить, – приказным тоном продолжал он, – чтоб ты помогла его бабушке. Она совсем старенькая. В деревне одной тяжело, а в город она переезжать не хочет. Осенью-то, конечно, переедет, как начнутся холода. А пока вы поживете у нее на парном молоке, ночевать будете на свежескошенном сене. – Теперь голос у полковника стал завлекающим и ласковым, как будто он читал на ночь сказку кому-то малолетнему. – Вы будете абсолютно самостоятельны. Ну и поможете немного. Пойдете в магазин для себя и заодно бабке хлеба возьмете.

– А Митька без меня не может помочь бабке на парном молоке? – осведомилась вредная Ирка.

– Не может! В хозяйстве нужен женский глаз, – отрезал полковник. – Поставь картошку вариться в мундирах и собирай вещи. Николай будет через час. Если успеете, поешьте. А так, выгребай из холодильника что найдешь. В деревне все пригодится. Мы с Митькой пошли, ему тоже собраться надо.

Лицо у полковника было строгое, как будто он командовал строем бойцов. И с этим строгим лицом он поцеловал готовую разреветься Ирку и сказал:

– Ирина, это не моя родительская блажь, так действительно нужно. Ты мне очень поможешь.

И они с Блинковым-младшим ушли не оборачиваясь. Потому что, если обернуться, Ирка бы точно разревелась, а на утешения времени у них не было.

– Деньги возьми все, какие там есть! – крикнул ей из прихожей полковник. – У меня завтра получка.

Блинков-младший подумал, что его строгая мама – просто олененок Бэмби по сравнению с Иваном Сергеевичем.

Глава 2

Предупреждение «олenenка Бэмби»

Каждому офицеру положено иметь чемодан с заранее уложенными вещами. Офицер служит, растит детей, ходит в кино и в булочную, отмечает дни рождения, а чемодан стоит где-нибудь в шкафу и терпеливо ждет. Если поступит приказ, офицер возьмет его и, не теряя ни минуты, уедет по тревоге. Этот чемодан так и называют – тревожным.

Разумеется, у мамы был тревожный чемодан, поэтому ее сборы состояли в том, что она выложила оттуда ненужный в дальней командировке план Москвы, закрыла все окна в квартире и повыдергивала все вилки из розеток.

Блинков-младший и полковник застали ее за телефонным разговором. Доносчица Ирка позвонила, пока они шли через двор, и выложила все, что не стал говорить по телефону ее папа.

– Ну и ничего страшного, – начал оправдываться Иван Сергеевич, поняв, с кем разговаривала мама. – Николай мне не чужой, я его от сержанта до офицера вырастил. И бабуля его надежнейший человек. Бабушки вообще воспитывают детей лучше, чем родители, потому что им больше делать нечего.

Мама на каждое слово согласно кивала. Ей некуда было деваться: командировку отменять поздно.

– И Митькиному кролику в деревне будет хорошо, – привел последний аргумент полковник.

– Ну, разве что кролику, – вздохнула мама и сказала, не глядя на единственного сына:

– Митек, я там уложила тебе папин рюкзак. Пойди, проверь, – может, что-нибудь забыла.

Понятно: отсылают с глаз долой, чтобы не мешал разговаривать. Блинков-младший поплелся к себе, а полковник с мамой остались шептаться.

Кролик жил на подоконнике, в цветочном ящике с землей. Он сам выбрал это место, собственноручно вырыл себе нору и умел вскакивать с пола на стул, со стула в ящик. А так был редкостный дурак: не понимал, когда его хвалят, когда ругают, а когда обедать зовут. Блинков-младший любил его, потому что спас кролика от собаки, а люди обычно хорошо относятся к тем, кому сделали добро.

Он разыскал старую корзинку и постелил в нее свое детское одеяльце. Разговаривать с кроликом было неинтересно, поэтому Блинков-младший молча вытащил его из норы, пересадил в корзину и сунул ему недоеденную кочерыжку. А потом решил пересчитать уставный капитал своего банка, хотя и так прекрасно знал, что у него двести тридцать четыре доллара, в том числе один металлический и два – мелочью. Это был результат полутора лет строжайшей экономии и мелких коммерческих сделок. Было бы опрометчиво оставлять такую сумму в пустой квартире, когда в стране разгул преступности.

Блинков-младший переложил старый папин бумажник с уставным капиталом в рюкзак, побросал туда несколько книг и вышел в коридор. Голоса мамы и полковника доносились из кухни.

– Я прошу тебя приглядеть за сыном, а ты суешь его в оперативное мероприятие! Ванечка, ты с ума сошел! – ужасалась мама.

Иван Сергеевич убежденно бубнил в ответ:

– Оля, у наших с тобой служб разная специфика. В налоговой полиции главная опасность – когда мы приходим, а бухгалтер неучтенные деньги выбрасывает в мусорную корзину. Неужели ты считаешь меня таким служакой и сухарем, что я способен ради успеха операции

подставить Митьку и собственную дочь?! Ничего с ними не случится. При малейшей опасности наш человек выведет их из игры и прикроет всеми способами, вплоть до огня на поражение!

– Ага, значит, ты все-таки допускаешь, что потребуется применить оружие?! – ухватила самую суть мама.

И тут, на самом интересном месте, под ногой Блинкова-младшего скрипнула паркетина. Мама, конечно, услышала.

– Митек, ты собрался? – крикнула она. – Возьми еще что-нибудь развлекательное, а то вы надолго уезжаете. Папин диктофон возьми вместо плеера.

– Я лучше еще в комнате посижу, а вы договаривайте, – буркнул Блинков-младший и вернулся к себе.

Вот так всегда. Сослать человека в деревню, отравить ему последние недели каникул – это у них запросто. А поделиться тайной, которая, быть может, прямо касается этого человека, – ни за какие коврижки!.. Взять, что ли, диктофон?

Плеер Блинков-младший нечаянно раздавил в драке еще зимой и совсем о нем не жалел. Это Ирка если не болтает по телефону, то слушает попсу, а у него есть занятия поинтереснее, – например, компьютер. Но компьютера в деревне уж точно для него не припасли, а с диктофоном можно придумать какое-нибудь развлечение. Скажем, записать поросычье хрюканье и подсунуть кассету Ирке. Блинков-младший представил себе, как Ирка, заранее жмурясь от удовольствия, включает свой плеер, а там – хрю, хрю... Архизаманчивая идея!

Он положил диктофон в рюкзак и стал выбирать кассеты, которые не жалко перезаписать, но тут вошли мама с Иваном Сергеевичем. Лица у обоих были красные и сердитые.

– Я остороженько, – сказала полковнику мама, похоже, заканчивая спор. Иван Сергеевич неохотно кивнул, и она «остороженько» взяла быка за рога:

– Митек, вполне вероятно, что место, в которое вы с Ирой едете, представляет интерес для некой спецслужбы.

При этих словах полковник, и без того красный, налился пурпуром, как хороший борщ. И младенец понял бы, какая именно спецслужба имеется в виду.

– Конкретных подозрений пока нет, – продолжала мама. – Есть свидетельство не очень грамотного человека, который сам не понимает, с чем столкнулся, есть несколько версий, которые могут оказаться абсолютно пустыми. В общем, внедрять туда штатного оперативника, во-первых, пока нет оснований, во-вторых, сложно. Ведь это сельская местность, там все жители если не родственники друг другу, то давние знакомые. Появление чужого человека может спугнуть преступников.

– А вы подозрений ни у кого не вызовете. Подумаешь, приехали школьники старушке помочь, – вставил полковник, и они с мамой взялись за Блинкова-младшего вдвоем.

– Учти, тебе доверили служебную тайну. Дядя Ваня даже Ире ничего не сказал, потому что не уверен, удержит ли она язык за зубами! – говорила мама.

– В тебе-то я на этот счет не сомневаюсь, – добавлял полковник, – ты мужик и не проболтаешься. Но я боюсь, что ты впадешь в другую крайность: слишком серьезно воспримешь это задание, начнешь проявлять инициативу...

Мама:

– ... И все завалишь. Твоя задача – просто жить в деревне, ни больше ни меньше.

Полковник:

– Ходить в магазин, побольше гулять, дружить, с кем подружишься.

Мама:

– И никаких самостоятельных расследований!

Полковник:

– Никакой слежки за людьми, которые могут показаться тебе подозрительными.

Мама:

– Даже наоборот: если кто-то кажется тебе подозрительным, поменьше старайся контактировать с этим человеком.

Полковник:

– Доложи обо всем Николаю, а сам – сразу в сторону. Ты просто собираешь предварительную информацию: как зовут местных жителей и их детей, чем они занимаются, в котором часу ложатся спать, часто ли и надолго ли уезжают в город. Это понадобится оперативнику, если мы решим внедрить его. Хотя скорее всего никакого криминала там нет.

Мама:

– Если бы у дяди Вани были серьезные подозрения, он бы, конечно, не стал рисковать ни тобой, ни собственной дочерью. Это самая обычная проверка. В девяти случаях из десяти такие проверки дают отрицательный результат.

Полковник:

– Поэтому если ты не хочешь выглядеть глупым мальчишкой, играющим в сыщика, то и не играй. Просто живи, смотри вокруг, все запоминай и рассказывай Николаю.

Вот это и есть промывка мозгов, как говорят сотрудники спецслужб. Когда полковник налоговой полиции с подполковником контрразведки посылают тебя в логово преступников, а через минуту выясняется, что никаких преступников там скорее всего и нет. И ты веришь сначала в то, что преступники есть, потом – что их нет. Потому что кому еще верить, если не собственной маме и не старому другу семьи?

Блинков-младший обдумал это дело и прямо сказал Ивану Сергеевичу:

– Я так понимаю, что вы мне даже не скажете, кто подозреваемый.

Он не спрашивал, а утверждал. Полковник скорчил кислую мину.

– Вам нужно, – продолжал Блинков-младший, – чтобы я рассказывал вашему Николаю побольше, чем рассказывают обычно малознакомым людям. Только ради этого вы и сказали мне, что ведется проверка. Скорее всего и проверку вы для меня выдумали, а на самом деле проводите совсем другую операцию. Вы, конечно, извините, Иван Сергеевич, но некоторые ваши задания – просто для отвода глаз, чтобы я не догадался, что вас интересует на самом деле. Например, зачем узнавать через меня, как зовут местных жителей, если вам ничего не стоит взять их данные в паспортном столе?

– Я тебя предупреждал, Оля, что ему ничего нельзя говорить! – ледяным тоном произнес полковник.

Мама улыбнулась.

– Наоборот, Ванечка, Митьке уже очень многое можно говорить.

А Блинков-младший окончательно потряс двухметрового Ванечку, заявив:

– Ну что ж, я согласен с вами сотрудничать.

Иван Сергеевич разинул рот.

– Оля, ты только послушай этого юного нахала! – трагическим шепотом прохрипел он. – Если он мне, полковнику, говорит «согласен», то что же получается?! Получается, что он может быть и НЕ СОГЛАСЕН?!

Глава 3

Великий враль

Все-таки кролик – очень глупое существо. Оказавшись в квартире Кузиных, он раз десять вспрыгивал с пола на стул, со стула на подоконник. Но ящика с норой на подоконнике не было. Кролик соскакивал на пол и тут же снова повторял свой номер, надеясь, что уж на этот раз он сделал все правильно и ящик окажется там, где был всегда. В конце концов он разочаровался и ускакал куда-то в комнаты, выбирая, где теперь будет жить. А Блинков-младший с Ирккой сели ужинать. Но тут пришел Николай.

Он был рыжий, лопоухий и растрепанный, как спаниель. На поясе грязных белых джинсов красовался мобильный телефон.

– Ого, картошечка! – Николай цапнул из кастрюли разварившуюся картошину в мундире, откусил половину и с набитым ртом представился Блинкову-младшему:

– Николай.

– Дмитрий.

– Солидно, – признал Николай, пожимая ему руку. – А Дима никак нельзя?

– Тогда уж лучше Митек, – разрешил Блинков-младший. – Меня так называют близкие друзья.

– А самые близкие называют его Блином, – выдала Митькино школьное прозвище Ирка.

– Лысый блин – помощник солнца, – сказал Николай и засмеялся.

Блинков-младший решил не обижаться. Ирка уже предупредила его, что Николай хотя и младший лейтенант налоговой полиции, но трепло просто невероятное.

– Ну что вы сидите?! – возмутился младший лейтенант, видя, что Блинков-младший с Ирккой не торопятся. – Забирайте картошку с собой, в дороге перекусим. Я тоже голодный – машину смазывал и не успел пообедать. Шевелитесь, детки-драндулетки. Пожалейте дядю Колю: мне вас отвезить, потом гнать обратно в Москву, а с утра на службу.

– А ты в таком случае дед-драндулет, – фыркнула Ирка. – Николай, ты можешь по-человечески объяснить, что у тебя за бабушка и зачем ей понадобились помощники в конце лета? Раньше ведь она как-то обходилась.

– Раньше она и девочкой была, а теперь состарилась, – сообщил Николай. – Не тяни время, Иренция. Найди пакетик и пересыпь картошку. Или так и возьми ее с кастрюлей, если кастрюлю не жалко. Будет бабуле подарочек.

Кастрюля была алюминиевая, мятая и мутная, потерявшая даже воспоминания о полировке. Блинков-младший попытался представить себе бабулю, которой понравился бы такой подарочек, и ему стало жутковато.

А Николай проверял Ирку:

– Вещи собрала? Постельное белье взяла? А мыло? А полотенце? А стиральный порошок? А туалетную бумагу?

Ирка ошарашенно мотала головой, а потом спросила:

– Николай, а что НЕ НАДО брать?

– Воздух, – ответил Николай. – Этого добра там навалом, причем свежайшего.

Он сунул нос в Иркин кожаный рюкзачок и в большой папин рюкзак Блинкова-младшего, неодобрительно поморщился и стал собирать вещи сам. Для начала велел Ирке найти емкость побольше. Хозяйственную сумку не одобрил, большой командировочный портфель Ивана Сергеевича – тоже. Пошел в комнату полковника и снял со шкафа старый чемодан без ручки. Чемодан был огромен. В нем хранилась, кажется, вся детская одежда, из которой успела

вырасти Ирка за свою жизнь. Когда Николай вывернул эту гору на подстеленную газету, сверху оказалось младенческое розовое одеяльце и пинетки.

– То, что надо, – кивнул себе Николай, оценив емкость чемодана. Он открыл шкаф и стал метать в чемодан постельное белье. Проблемы, что выбрать, для него не было. С каждой полки он просто брал половину того, что на ней лежало.

– Это двuspальные пододеяльники! – пискнула Ирка.

– Подвернешь, – не задумываясь отрезал Николай и потащил чемодан на кухню. Там он открыл холодильник и выгреб оттуда все подряд. Консервы побросал в чемодан прямо на простыни, а масло, колбасу и сыр уложил в полиэтиленовый пакет. Ивану Сергеевичу остались только яйца и чахлый кустик укропа. Яйца Николай не взял, потому что боялся разбить, а укроп оказался второй после воздуха вещью, которой в деревне было навалом. Наконец он вихрем пронесся по ванной, смел что попало со стеклянной полочки и завернул в полотенце. Иван Сергеевич потом, наверное, удивлялся, зачем Ирке понадобился его крем для бритья, который уехал в деревню вместе с действительно нужными вещами.

Сверток из полотенца уже плохо помещался в чемодан, крышка не закрывалась, но Николай и не подумал уложить все поаккуратнее. Он просто сел на крышку и защелкнул замки. Ирка, вдохновленная его примером, побросала в кастрюлю с картошкой нарезанную селедку, хлеб, нож и три ложки, чтобы есть в дороге.

– Ты еще чайку туда плесни, – посоветовал Блинков-младший. – Все равно в животе все перемешается.

– Дурак, – сказала Ирка, потому что была расстроена и не хотела понимать шуток. Она закинула за плечи свой рюкзачок, взяла кастрюлю в руки и сказала:

– Я готова.

И тут Николай расстроил Ирку еще сильнее. Он сказал:

– Ты что, в кроссовочках собираешься по деревне ходить? Сапоги бери! Митек, вон, сапоги взял. Понимает, куда едет. А ты, Ираида, не понимаешь.

Оказалось, что из своих резиновых сапог Ирка выросла, а кожаные, на тонких каблуках, Николай не одобрил. Он сказал, что сапоги нужны не для форсу, а чтобы ноги не промочить.

– Осенние же сапоги, непромокаемые, – пыталась возражать Ирка.

– Может, и непромокаемые, но короткие, – ответил Николай. – Голенищами черпать будешь. Ступишь разок – и дальше пойдешь босиком, а твои сапожонки утонут. Знаешь, как наша деревня называется? Малые Грязюки!

– Малые – это еще ничего. Малые – не Большие, – заметил Блинков-младший. Ему хотелось утешить Ирку.

– Они Малые, потому что дураков мало там живет, – с непонятной гордостью сообщил Николай. – А грязюки там столько, что мало не покажется. Доставай-ка, Ириадна, папины форменные сапоги. У него должны быть.

У Ириадны-Ираиды-Иренции губы прыгали от огорчения. Она принесла великанские сапожищи Ивана Сергеевича и демонстративно засунула в них ноги. Снимать кроссовки для этого не понадобилось.

– Смотри, как практично! – обрадовался Николай. Было совершенно непонятно, говорит он всерьез или валяет дурака.

Ирка с убитым видом связала сапоги за ушки и перекинула через плечо.

– Присядем на дорожку. – Николай символически опустил над чемоданом и тут же вскочил, как будто танцевал вприсядку. – Теперь, кажется, ничего не забыли. Побежали, детки-конфетки!

Он схватил чемодан в охапку и действительно побежал.

Блинков-младший с Ирккой отстали, потому что надо было запереть квартиру. Когда они вышли во двор, Николай уже завел мотор старого «Москвича», такого же рыжего и грязного, как его хозяин.

– Садитесь назад, оба, – скомандовал он. – Рядом с водителем – место смертника.

Они нырнули в душное нутро машины, и Николай помчал, как на пожар. Дверцу Блинков-младший захлопывал уже на ходу.

В городе машинам негде особенно разогнаться. Кто кого обгонит – решает не столько мощность двигателя, сколько мастерство и нахальство водителя. У Николая хватало и того, и другого. Он обгонял даже «Мерседесы». А когда большегрузный трейлер не пожелал уступить дорогу рыжему «Москвичу», Николай решил пугнуть его мигалками. К большому его удивлению, мигалок на «Москвиче» не оказалось.

– Забылся, – обескураженно объяснил он. – Думал, я на служебной.

Тут и выяснилось, что еще совсем недавно младший лейтенант был водителем полицейской машины, где имелись и мигалки, и сирена. Поэтому и привык водить напористо.

Трамвайные рельсы Николай перескочил с такой скоростью, что колеса выбили барабанную дробь. В машине повисло облако пыли. Ирка мазнула по сиденью пальцем и застонала. Палец стал серый.

– Николай, – спросила она, – ты хоть раз мыл машину с тех пор, как ее купил?

– А зачем? – удивился полицейский. – Во-первых, инспектора дорожного движения меня не штрафуют. Как увидят мои документы, так берут под козырек. А во-вторых, я к бабушке мотаюсь каждую неделю. Малые Грязюки, они ведь чем хороши? Они только в дождь Грязюки. А в хорошую погоду они Пылюки. Заскочишь на часок, подкинуть бабуле продуктов, а потом целый день машину пылесосить надо. У меня на это времени нет.

– Ты как хочешь, а я убегу, – шепнула Ирка Блинкову-младшему. – Я еще только начинаю жить и не хочу потом до смерти мучиться воспоминаниями ни о Грязюках, ни о Пылюках.

Выехали за город, и Николай немного успокоился. Если можно сказать «успокоился» о человеке, который гнал машину со скоростью сто двадцать километров в час. Но полицейский водитель чувствовал себя, как в кресле перед телевизором. Откинулся на спинку сиденья, выставил в открытое окно локоть и сидел себе, посвистывал, касаясь руля одной рукой. А потом вспомнил, что голодный, и потребовал у Ирки:

– Ну-ка, Ириска, давай сюда картошку!

– Погоди, – сказала Ирка, – я тебе сейчас бутерброд сделаю с селедкой. А то как же ты будешь есть за рулем?

– Не переживай за меня, – бодро ответил Николай. – Было бы что есть, а уж мимо рта не пронесу. Давай сюда всю кастрюлю, я разберусь.

Он поставил кастрюлю на сиденье рядом с собой и, не глядя, стал кидать в себя что под руку попадется. Попадался кусок селедки, кидал селедку, попадался хлеб, кидал хлеб. Большую картофелину он уничтожил в два укуса и приговаривал:

– Эх, картошечка! Нет ничего тебя вкусней! Ведь я, детки-котлетки, вырос на картошке. Нас, курян, так и зовут: «Картофельное пузо». Бывало, мамка в поле, а мы с братом наварим картошечки и давай наворачивать. Всухомятку, даже без постного масла. Такое было время. Нам с братом один портфель на двоих купили, и то мы были счастливы. Кто первый встал, тот и в школу пошел.

– Где-то я это уже слышала, – сказала Ирка. – Только не про портфель, а про валенки.

– Так не одни мы трудно жили, – не растерялся Николай. – Весь народ так жил, детки-сеголетки!

Врал Николай вдохновенно и беззастенчиво, не особенно надеясь, что ему поверят. Это было вранье из любви к искусству. В следующие четыре часа Блинков-младший с Ирккой услышали:

– Нас, рязанцев, так и зовут косопузыми. Потому что от картошки живот на сторону ведет. Помню, в детстве иду из школы. Брат, значит, всю ночь картошку пек и с утра проспал. А я схватил наш общий портфель и – учиться, учиться, учиться. Сильно к знаниям тянулся. Так вот, возвращаюсь к себе в Малые Грязюки, а за мной волк увязался. Бежит как собачонка. Я его гоню, а он плетется за мной. Морда жалкая. А мне, как назло, нечем его покормить. Дать бы ему хоть пирожок, он бы так и бежал за мной до дома. Волки в наших местах сильно привязчивые, даже поговорка есть: «Тамбовский волк тебе товарищ». Видали, какие леса?! Бескрайние! Это, детки-пистолетки, Мещерские леса. Тянутся до самой Индии!

Между тем рыжий «Москвич» приближался не к Рязани, не к Тамбову и не к Индии. На синих дорожных указателях самая жирная стрелка упиралась в слово «Псков». А на белых, которые устанавливают при въезде в населенные пункты, стали попадаться смешные и милые названия: «Рямешки», «Мараморочка», «Лудони». В этом ряду «Малые Грязюки» никому не показались бы ни странными, ни лишними.

Аккуратные бревенчатые домики с резными наличниками утопали в садах. Ветер, врывавшийся в окна машины, одуряюще пахнул яблоками. Их было так много, что отяжелевшие ветви яблонь лежали на заборах, и заборы эти кое-где даже прогнулись. Казалось, что за ними яблоки валяются горами, и вот-вот они прорвут серые подгнившие доски, как вода – плотину, и на дорогу хлынет яблочный потоп. По обочинам стояли корзины яблок, детские ведерки яблок и большие ведра яблок. Николай остановился у одного ведерка, погудел, но к машине никто не вышел. Тогда он высыпал яблоки на пустое сиденье, бросил в ведерко деньги и поставил его на то же место у дороги.

– Вот какие люди у нас на Псковщине, – с гордостью сказал он, разгоняя машину. – Доверчивые и ленивые.

Было розовое закатное время. Николай включил фары, и сначала казалось, что он поторопился с этим делом. Но уже через несколько минут подкралась темнота и скрыла проносящиеся за окнами машины сельские домики. А села или, может, деревни (Блинков-младший не видел разницы) пошли подряд: не успеваешь выехать из одного, как начинается другое.

Дорога была так себе. Николай снизил скорость и всю работу рулем, объезжая колдобины, но машину все равно потряхивало. Потом они свернули на какое-то идущее среди поля шоссе. Рыжий «Москвич» побежал резвее. Ровный асфальт пел под шинами, в окнах свистели быстрые сквознячки. Впереди сияли огни поселка, вот уж точно поселка, а не деревни: дома в нем были кирпичные, двух- и трехэтажные, с башенками, как старинные замки, и со шпилями, как высотки в Москве.

– А вот и моя историческая родина – Малые Грязюки! – объявил Николай. И свернул в сторону от симпатичного поселка.

Машину сразу же стало кидать по ухабам. Блинков-младший, который в этот момент грыз яблоко, прикусил язык. Ирка стукнулась головой о потолок. Блинкова-младшего тоже подбрасывало, но он почему-то до потолка не долетал. Наверное, был тяжелее Ирки. При каждом таком толчке из сидений выбивались клубы пыли. Вцепившись в корзинку с кроликом, Блинков-младший наперегонки с Ирккой подпрыгивал и чихал, подпрыгивал и чихал.

Самое главное, все эти мучения казались напрасными. Они все равно так приблизились к поселку, что стала слышна громкая музыка из чьих-то окон. Наверное, можно было проехать подальше по хорошей дороге, а потом свернуть, если надо.

Воздух почему-то пахнул сыростью и тиной, как на море. В темноте замелькали силуэты покосившихся домишек. Ни одно окно не светилось. Блинков-младший понял, что это и есть Малые Грязюки.

Из-под самых колес шарахнулась тощая, одичавшая кошка.

– Приехали, – сказал Николай и затормозил.

Дом, у которого они остановились, был с просевшей посередине крышей, похожей на кавалерийское седло для великана. Когда Николай выключил фары, стало видно, что в нем слабо светится занавешенное окошко. Все вышли из машины и стали разминать затекшие ноги. В эту минуту из дома послышался глухой удар, как будто на пол уронили мешок с картошкой.

– Это, наверное, бабуля упала, – забеспокоился Николай. – Пошла нас встречать и споткнулась на радостях.

Пока он отворял калитку и бежал к дому, бабуля упала еще два раза.

– Быстро поднимается, – заметил Блинков-младший. А Ирка учительским тоном сказала:

– Стыдно, Блинков!

Как будто он специально хотел подшутить над старушкиной немощью.

Ночь была душная и влажная. Быстрые рваные облака то и дело закрывали луну, и тогда Малые Грязюки совершенно утопали в темноте. Блинков-младший плохо видел даже стоявшую рядом Ирку. Зато шагах в двухстах, на пригорке, сиял всеми окнами трехэтажный особняк с верандой и остроконечной башенкой. Прожектор на шпиле башенки освещал медно-розовую сверкающую крышу.

В особняке крутили «техно», а такую музыку не ставят, чтобы просто послушать. Там, по совести говоря, нечего слушать – никакой мелодии, одни ритмы. Это музыка для ног. Под нее обязательно нужно прыгать и визжать, иначе и связываться нет смысла. Люди в особняке так и делали. Было слышно, как они с грохотом подпрыгивают, визжат и аплодируют, если грохот получался особенно громкий.

– Группа «Свистящие», – определила Ирка. – Дрянная музыка, для умственно отсталых. Голос у нее был завистливый.

– Вот видишь, а ты не хотела ехать. Всюду жизнь, Ирка, – бодро сказал Блинков-младший. – Завтра познакомимся с местной молодежью...

– А чего откладывать? Пойдем прямо сейчас! – подхватила Ирка. – Погоди, я только папины сапоги надену и выпрошу у бабки ватник пострашней... Митек, на тебя уже действует благодатный сельский воздух. Ты становишься бараном, скоро сенца запросишь.

– Не понял! – повысил голос Блинков-младший, хотя все уже понял.

Ну, конечно, их не ждут в особняке с распростертыми объятиями. Там живут очень богатые люди, а это довольно нервная публика. Они справедливо считают, что многие хотят их обворовать. Ведь самые опасные преступные группировки на своих джипах «Лендкрузерах», с мобильными телефонами и автоматами, не станут, к примеру, тырить белье с веревки. Они охотятся за богатыми людьми. Могут заслать к ним своего наводчика под видом случайного знакомого или монтера. А когда все разузнают – бац, и обворуют дом. А может, украдут сына или дочку богача, чтобы потребовать выкуп. Поэтому богатые очень подозрительно относятся к посторонним.

Так что правильно Ирка обозвала Блинкова-младшего бараном. Не видать им дискотеки в особняке под медной крышей. Хотя за «барана» стоило бы съездить ей по шее. Раньше Блинков-младший делал это запросто и не считал несправедливым, потому что Ирка могла дать сдачи. Но последнее время у него рука на Ирку не поднималась. В самом прямом смысле: его ударная левая будто чугуном наливалась. Тащишь ее, тащишь, как мамину пудовую гирию, – а результат плачевный: рука так и норовит не стукнуть Ирку, а погладить. Короче, мужчины о

таких делах не треплются. Кто переживал это, тот поймет Блинкова-младшего, а у кого нос не дорос, тому ничего не объяснишь.

– Ну и плюнь. Подумаешь, танцы-шманцы, – утешил он Ирку и решил сменить опасную тему. – А странный этот Николай.

– Да ничего в нем странного нет, – с досадой сказала Ирка, – разве что язык без костей. Я его сто лет знаю, еще с тех пор, как он водителем был у папы. Вечно у него шуточки, а в этот раз он сам себя переплюнул. Тамбовский волк ему товарищ!..

– Значит, Николай ведет себя не как обычно? – поймал ее на слове Блинков-младший.

– Обычно рядом папа, а при нем не больно-то пошутишь... Ты что, Митек, вообразил себя секретным агентом? – поинтересовалась Ирка таким ехидным тоном, что Блинков-младший решил помалкивать.

Вернулся Николай и сообщил:

– Так и есть, упала. Совсем одряхла старушонка, в чем только душа держится. Эх, давно забрал бы я ее в Москву, а она упрямится. Может, говорит, последнее лето живу я на свете, проститься хочу с родимым домом.

Почему-то голос у него был совсем не грустный.

Блинков-младший с Иркой взяли свои рюкзаки и пошли знакомиться с одряхлевшей старушонкой.

Глава 4

Полицейская бабуля

Домик был поделен пополам стеной из коричневых от старости бревен. Блинков-младший догадался, что это и есть изба-пятистенка, о которой он слышал в одном рассказе по радио и не мог сообразить, почему она «пятистенка» – пятиугольная, что ли? А оказалось, что пятая стена внутри, только и всего.

В первой комнате была печка, посудная полка, стол и шкаф с мутным зеркалом, во второй – другая сторона печки, этажерка с тремя книжками и кровать. Бабушка Николая лежала на этой кровати, до подбородка накрытая одеялом, и тяжело дышала. Лицо у нее было красное и потное, как у человека, только что поднявшегося на высокую гору.

К ужасу Ирки, сбылись ее самые мрачные предчувствия: ни телевизора, ни телефона в доме не оказалось. На подоконнике стоял жалкий транзистор. А под потолком, на крюке, висела нелепая в старушечьем обиходе вещь: туго набитый брезентовый мешок.

Блинков-младший сразу же сообразил, что на мешке отрабатывал удары какой-нибудь каратист или боксер. Другого применения ему выдумать было невозможно. Ну а раз так, то ясно, почему старушке понадобилась их с Ирккой помощь в конце лета. Раньше у нее кто-то жил – Николай или какой-нибудь дачник. А потом у него кончился отпуск, и бабушка осталась одна.

Молчание затянулось. То ли старушка изучала ночных гостей, то ли еще не пришла в себя после того, как упала.

– Смотрите, Мария Петровна, каких я вам постояльцев привез! – сказал Николай таким ненатурально бодрым голосом, что булыжник прослезился бы от жалости. Сразу стало ясно: совсем плоха Мария Петровна, а любящий внук хочет ее подбодрить.

Несчастливая улыбнулась и сказала, строго глядя на внука:

– Колюшка – моя гордость. Подумать только: дослужился до младшего лейтенанта, и до сих пор со мной на «вы»!

– Да, – подтвердил Николай, – такие уж патриархальные нравы у нас в семье. Мы с братом, пока не подросли, даже кошку на «вы» звали. Про нас и поговорку сложили: «Доброе слово и кошке приятно».

– Шутник, истинный крест, шутник, – без улыбки сказала Мария Петровна. – Ну иди сюда, мой голубчик, бабушка тебя расцелует!

И она громко расцеловала наклонившегося к ней внука, для удобства взяв его обеими руками за уши.

Блинков-младший во время этой семейной сцены потихоньку толкал мешок. Рука упиралась как будто в каменную стену. Пришлось налечь плечом, и только тогда мешок чуть-чуть качнулся. Похоже, он был набит песком и весил килограммов сто.

– Это мой, – заметил Николай, оторвавшись от бабушки. – Приезжаю иногда и балуюсь, чтобы форму не потерять.

Он шагнул к мешку, явно собираясь постучать для разминки. Но бабушка поймала внука за штаны и притянула к себе. На вынырнувшем из-под одеяла рукаве было три адидасовских полоски. Блинков-младший чуть не расхохотался: старушка ползала по дому в спортивной куртке! Потом он представил себе, как ей одиноко и страшно в ее неухоженном доме, во всей этой деревне с темными окнами, где то ли рано ложатся спать, то ли вообще никто больше не живет. Истосковалась бабушка по внуку, вот и надела его куртку.

Старушка тем временем что-то горячо шептала на ухо Николаю.

– Само собой, бабуля! Абсолютная независимость и необременительное деловое сотрудничество! Я и полковнику так обещал: поселю, сказал, ребят на сеновале, – в полный голос ответил ей любящий внук и обернулся к Блинкову-младшему с Ирккой. – Эх, и завидую я вам, детки-тарталетки! Будете спать на свежескошенном сене, пить парное молоко!

– Какое сено, какое молоко?! Я ведь козу пять лет как продала, Колюшка! – поджав губы, напомнила внуку старушка.

– Ах ты, незадача какая! – огорчился Николай. – То-то я давно нашу Лизку не видел! Раньше, бывало, только подъеду, а она уже тут как тут, бородой трясет, морковку выклянчивает. Большая охотница до морковки была наша Лизавета!

– Николай, – устало сказала Ирка, – борода у козлов, а у коз борода не бывает. И вообще, хватит сказок для самых маленьких. Если мы здесь лишние, то поехали обратно. А если нет, уложи нас где угодно – я спать хочу.

– Вот это деловой подход! – обрадовался Николай, словно только и ждал, когда Ирка оборвет поток его завиральщины. – Пошли, ребята, на колодец, покажу вам, что к чему. Попьем чайку, да поеду я. А бабуля пока решит, куда вас устроить.

Он сказал «ребята» вместо «деток-драндулетов-тарталеток». Это уже можно было считать Иркой победой.

А в особняке веселились вовсю! В тот самый момент, когда Блинков-младший с Ирккой вышли на улицу, лидер группы «Свистящие» Таракан так лихо бацнул по струнам, а танцующие так дружно подпрыгнули и хлопнулись об пол, что на веранде особняка взорвалась лампочка.

Позвякивая пустым ведром, их догнал Николай.

– Вот и кончаются мои мучения, а ваши начинаются, – довольным голосом объявил бабулин внук.

– Ты почему фонарик не взял? – спросила его Ирка. – Что же мы, так, в темнотище, и пойдем?

– Вон тебе фонарик. – Николай кивнул на спрятанный за облаками размытый блин луны. – Могу, если хочешь, посветить фарами, только это не нужно. Мимо колодца ведром ты и так не промахнешься. Привыкай к деревенской жизни, Ирэн. У бабули фонарика нет, потому что встает она с солнышком и ложится с солнышком.

И они пошли попадать ведром в колодец. Ирка ворчала, что она не рабыня на плантациях – вставать с солнышком. У нее, в конце концов, каникулы! Когда захочет, тогда и встанет!

Она по-женски не проникала в суть явлений. А Блинков-младший проникал и уже прекрасно понял, что рано вставать – никакая не трудность здешней жизни. Рано вставать совсем легко, если перед этим рано ложиться. А поздно лечь в деревне просто невозможно, потому что по вечерам тут совершенно нечего делать, и в этом-то как раз главная трудность!

– Надо все-таки познакомиться с этими, из особняка, – шепнул Ирке Блинков-младший. – А то через неделю мы на самом деле заблеем и начнем по травке скакать.

– Ну-ну. Флаг тебе в руки, – хмыкнула Ирка.

Николай привел их к колодцу и начал объяснять, как детям неразумным: эту крышку открываете, сюда цепляете ведро, эту ручку крутите, нет, бросать ведро нельзя, нужно потихоньку опускать, а то колодец старый, стенки грибами заросли, посшибаете их ведром, и будет вам грибной суп вместо чистой воды. В какой-то момент Блинкову-младшему показалось, что полицейский опять врет, но, когда они с предосторожностями подняли из колодца ведро воды, там плавал темный кружок размером с банкину крышку.

– Видал, какие здоровенные опята у нас в колодеце?! – похвастал Николай, вылавливая кружок. – Можешь поджарить и съесть. Будешь потом рассказывать в Москве, как за грибами на колодец ходил!

И он торжественно вручил кружок Блинкову-младшему. Это действительно была шляпка гриба, тухлявая от старости.

Нести ведро досталось Блинкову-младшему. С непривычки он расплескал почти четверть, и в основном – себе на ноги. Когда они дошли до дома, в кроссовках у него хлопало. Еще чуток – и лягушка заквакала бы...

А дома, за столом, покрытым белой скатертью с неразгладившимися складками, сидела розовенькая благостная Мария Петровна в цветастом сарафане. Ее заплетенные в косицу седые волосики были скручены на затылке в бублик.

– Проходите, ребяташки, – произнесла бабуля полицейского певучим сказочным голосом. Казалось, что сейчас она продолжит: «Козлятушки, ребяташки» и все такое. – Колюшка, ставь самовар, Иринушка, накрывай на стол, а ты, Митенька, слазай в подпол за вареньем, помоги мне, старой.

– Я сейчас, Марьпетровна, – спохватился Блинков-младший. – У меня в машине кролик.

– Неси его сюда, Митенька. Пускай в сенях переночует, – решила старушка. – А завтра сделаешь ему клетку.

Само собой, кролик не сидел в корзинке паинькой, дожидаясь, пока о нем вспомнят. В машине попахивало. Блинкову-младшему пришлось вытряхнуть все коврики и чехлы с сидений, потому что кролик обследовал свою тюрьму, рассыпая по пути орешки. А еще надо было нарвать для кролика клевера и устроить его в сенях под лавкой. Когда Блинков-младший вошел в комнату, вся компания уже пила чай с вареньем.

– Кроликовый папа, – отметила его появление Ирка.

– Кроличий, – механически поправила ее Мария Петровна.

Блинков-младший подумал, что, наверное, до пенсии она работала учительницей. Но полицейская бабушка вдруг добавила прежним сказочным тоном:

– Ты кушай повидлу-то, Иринушка. Повидла у меня страсть какая сладкая, истинный крест!

Окно вдруг озарилось ярким белым светом. По занавеске снизу вверх побежали тени от веток растущей у дома яблони. На улице кричали: «Ура», – конечно, это развлекалась компания из особняка.

– Армейская ракета, осветительная, – заметил Николай.

– Каждый вечер так, – пожаловалась бабуля, прихлебывая чай из блюдечка. – Подождут дом, вот и будет освещение.

Ракета опускалась долго, не то что китайские шутихи. Похоже, она была с парашютиком.

Ирка вяло ковырнула ложечкой повидлу, шмыгнула носом и сказала:

– Действительно, ну что мы там не видели? Марьпетровна, научили бы вы меня вязать. Говорят, это успокаивает нервы.

– Конечно, конечно, Ирина Ивановна, в вашем солидном возрасте пора сидеть дома и учиться вязать, – поддакнул Николай. – Ну что могут вам предложить эти буржуины в особняке? Музыкальный центр на четыре киловатта да синтезатор, по-моему, «Ямаха». Ну и компьютер с примочками: монитор – двадцать один дюйм, четырехкнопочный джойстик, руль и педали...

О компьютере полицейский говорил уже явно для Блинкова-младшего, и говорил неспроста. Он завлекал, он интриговал, он хотел, чтобы Блинков-младший с Ирккой спали и видели, как бы им познакомиться с людьми из особняка!

– Николай, а ты там был? – заинтригованно спросила Ирка.

– Был разок. Там одна молодежь, мне с ними неинтересно, – голосом ветерана первой империалистической войны проскрипел Николай.

Блинков-младший догадался, что на его глазах происходит самая настоящая вербовка «втемную»! Полицейский уже так обработал Ирку, что она сама обязательно, непременно попросит его... И ни о чем не подозревающая Ирка заняла даже раньше, чем Блинков-младший успел додумать эту мысль:

– Николай, Николайчик, ну познакомь нас!

Блинков-младший читал психотехническую комбинацию полицейского, как по книге. Сейчас Николай станет отнекиваться... Так и есть!

– Да нет, Ир, я для вас плохой посредник, – вздохнул Николай, даже забыв переделать Иркино имя. – Если бы я запросто ходил к ним в гости, тогда другое дело. А то ведь меня туда звали починить им тележку для гольфа. Видела в кино – такие электрические автомобильчики? Ну вот, папа Букашин раз в месяц играет в гольф, а все остальное время сын Букашин на этих тележках девочек катает. Раз докатался до того, что въехал в бассейн...

– Там и бассейн есть? – с острым любопытством спросила Ирка.

Вербовка шла как по маслу, а тут еще простоватая бабуля нечаянно подыграла внуку.

– Я тебе что скажу, Иринушка, – запела она своим сказочным голосом. – Букашин Данилка – сын, значит, – он сильно балованный, но в душе неплохой. Только надо ему окорот дать. Кто ему даст окорот, с тем он друг-приятель, а кто за ним бегаёт, как собачонка, с тем Данилка сам как есть пес!

– Он, в общем, несчастный парень, но и негодяй еще тот, – вмешался Николай. – Мать за границей, отец в своем банке, приезжает сюда на выходные, и то не каждый раз. А сынок всю неделю за старшего остается и дурака валяет. Собрал компанию, все оттуда же, из дачного поселка. – Николай кивнул в сторону особняка. За окном снова запустили ракету, но «ура» больше не кричали. – Раздает им кассеты, лазерные диски для компьютера. Кто клюет на дармовщину, над теми он издевается. А, скажем, был тут в прошлом году парень, который, как бабуля выражается, дал ему окорот по морде, так Дэн с ним нормально дружил.

– Дэн? – переспросила Ирка.

– Он Данила. Чувствуешь? Даже не Даниил, а Данила! Папа, когда имя ему давал, был большой патриот. А сейчас – банкир и поклонник Америки. Поэтому Данила превратился в Дэнни.

Вид у Николая был предовольный. Ирка уже не только мечтала познакомиться с этим Дэнни. Мало того! У нее осталось полное впечатление, будто бы не полицейский подсказал ей эту идею, а она сама так решила. Хотя еще полчаса назад за одни только разговоры на эту тему Ирка обозвала Блинкова-младшего бараном.

Глава 5

Разговор с резидентом

Сарай не открывали так давно, что дверь пальца на два ушла в землю. Похоже, туда никто не заходил после того, как продали козу Лизку. Николаю пришлось подкапывать дверь лопатой, подогнав к сараю для освещения свой «Москвич» с включенными фарами.

– А обещал-то! «Спать будете на свежескошенном сене!» – упрекнула его Ирка.

– Конечно, будете. Накосите сена и спите себе на здоровье, – невозмутимо парировал Николай, распахивая скрипучую дверь.

Блинков-младший с Иркой заглянули в сарай и отшатнулись.

– Ну-ну, не тушуйтесь, детки-сандаетки, – подбодрил их Николай. – Добро пожаловать в сию скромную обитель.

Обитель была вызывающе скромной: земляной пол и щелястые стены с развешенными на них велосипедными рамами без колес, деревянными граблями, лопатами и тому подобной дребеденью. Под крышей, как огромная полка размером с половину сарая, лежали доски. Кажется, это называется сеновал, только сена там не было – оно валялось внизу серой слежавшейся горой. Блинков-младший потянул торчащий стебелек травы, и тот обломился от одного прикосновения.

– Ир, – спросил он, – у тебя пододеяльники конвертом или мешком?

– Разные. Я принесу которые мешком. Набьем себе тюфяки, – сообразила Ирка.

Дождавшись, когда она уйдет, Блинков-младший пнул сенную гору. В свете фар с улицы взвилось облако пыли. Гора зашевелилась и зашуршала, как будто по ней забегали десятки маленьких сквознячков.

– Мыши?

– А как же, – подтвердил Николай. – Старое сено без мышей не бывает.

– Уезжайте, пока Ирка не опомнилась, – сказал Блинков-младший. – Ей и так здесь не нравится, а когда узнает про мышей... Она же под колеса ляжет, чтобы вернуться с вами в Москву.

– Сенцо, конечно, так себе. Со времен Лизаветы осталось, – признал Николай. – Поспите не раздеваясь, чтобы не колко было, а завтра накосите свежего... Ничего, проживете. Там в углу Лизаветин загончик, – он кивнул в темноту, куда не доставал свет, – повесите лейку, вот вам и душ. Ты же, Дмитрий, рукастый парень!

– Я не рукастый. Я головастый и понимаю, что за день сено не высохнет, – отрезал Блинков-младший. – В общем, поезжайте, а мы тут как-нибудь разберемся.

– А мне казалось, ты отослал Ирину, чтобы поговорить со мной о задании полковника. Он звонил мне в машину по сотовому, и мы все обсудили, – понизил голос полицейский. – Поступаешь в мое распоряжение. Отныне ты мой агент в Малых Грязюках, а я, получается, резидент. Так что докладывай.

Как всегда, было неясно, что Николай говорит в шутку, а что – абсолютно всерьез.

– О чем докладывать? – пожал плечами Блинков-младший. – Задание понял, а сообщить мне пока что нечего. Конечно, хочется спросить вас кое о чем, только ведь вы не ответите.

– Спрашивай, – разрешил полицейский. – Вдруг отвечу?

– Я так понимаю, что вы хотите внедрить нас в особняк... – Блинков-младший помолчал, дожидаясь от Николая подтверждения своей догадки, но полицейский ничем себя не выдал. – Вопрос вот в чем: кто именно вас интересует – старший Букашин, Дэнни или, может, кто-то из персонала?

– Добавь их знакомых, и будет полный список. Нас интересуют все, – ответил полицейский.

Блинков-младший кивнул:

– Понятно.

– Да что тебе может быть понятно?! Тут профессионалам ни черта не понятно, а ему понятно! – с досадой буркнул полицейский.

– Понятно, что вы ушли от ответа, – хладнокровно пояснил Блинков-младший. – Еще вопрос: а если спросят, кто мы Марии Петровне?

– Отвечай: «Бабуле приехали помогать». Именно «бабуле», а не «Марии Петровне». Пусть думают, что вы ее внуки. Если начнут выяснять ваши родственные отношения, скажешь, что родители отправили вас в деревню к бабуле, и все тут, а кто чей деверь, сноха или золовка, вы понятия не имеете. Выдумывать ничего не надо, а то здешние старухи вас моментально раскусят. В деревне ведь знаешь как? Я, может, понятия не имею о какой-нибудь бабке, а она обсуждает с приятельницами, какого цвета обои в квартире у внука Петровны...

– Я понял, – прервал рассуждения полицейского Блинков-младший. – Уезжайте, в конце концов, пока Ирка не вернулась!

– Неудобно получается. Предателем себя чувствую, ей-богу: завез людей в козий сарай и бросил, – признался Николай. Впервые Блинков-младший видел его смущенным. – Можно было и палатку взять, и надувные матрасы, а я забыл.

– Ничего, привезете в следующий раз, а мы пока переберемся, – успокоил полицейского Блинков-младший. – Вы же не виноваты, что так срочно пришлось ехать.

– Ну да. Я думал, что повезу Ирину в субботу, а про тебя до сегодняшнего дня вообще знать не знал... Слушай, Митек, а тебе никто не говорил, что ты отличный парень?

– Говорят, но реже, чем хотелось бы, – серьезно сообщил Блинков-младший. – Особенно редко те, от кого мне было бы приятно это услышать.

– А от меня, значит, неприятно, – понял толстый намек полицейский. – Ну что ж, я сам виноват... Ладно, Митек, еще успеем подружиться. Держись. – Николай пожал ему руку и, уже выходя, сказал через плечо: – А она обязательно скажет, что ты отличный парень!

Взревел мотор, свет фар вскользь ударил по глазам, и Блинков-младший остался в темноте.

Глава 6

Страшная ночь

Ирка вернулась с простынями и охапкой какого-то бабулиного тряпья. Минут десять Блинков-младший при ничтожном лунном свете, льющемся в открытую дверь, лазал по горе сена и выполнял бестолковые Иркины приказания: мне постели здесь, а себе – там, нет – поближе, а то я буду бояться в темноте, или нет – подальше, а то вдруг я захочу раздеться, а ты станешь подглядывать.

В награду за все Ирка заявила:

– Ну ты и копуша, Митек! Устала я с тобой.

– Если не нравится, устраивайся сама, как хочешь, – разозлился Блинков-младший и лег там, где стоял.

Место оказалось не самое удачное. Он понемногу съезжал с горы к стене сарая, но потом промял себе лежку и сразу же задремал.

Ирка растолкала его, чтоб он закрыл дверь, – ей было холодно.

Блинков-младший встал, закрыл и плюхнулся на пригретое место, засыпая на лету. Но тут у него стало чесаться под лопатками. Сунув руку за шиворот, он выгреб набившуюся сеновую труху, всласть начесался и закрыл глаза.

Ирка помалкивала. Проваливаясь в сон, Блинков-младший умиротворенно подумал, что игры девичьи на сегодня закончены. Он совсем забыл о мышах.

– Митек! Эй, Митек! – окликнула его Ирка. – В доме домовой, а в сарае кто?

– Ирка, которая спать не дает! – буркнул Блинков-младший, просыпаясь в третий раз.

– Я серьезно, Митек! Ты не поверишь, но только что рядом со мной кто-то пробежал!

– Маленький, на четырех лапках, с хвостиком? – уточнил Блинков-младший.

– Не пугай меня, Митек, – жалобно попросила Ирка. – Ты же не хочешь сказать, что это **МЫШЬ**?!

– Да нет, какие здесь мыши?! – спохватился Блинков-младший. – Это, наверное, кошка. Помнишь, когда мы приехали, она у калитки сидела?

– Что я, кошку от мышки не отличу? – из чувства протеста буркнула Ирка, но замолчала.

Блинков-младший лежал, прислушиваясь к ее дыханию. Спящий человек всегда хоть немного, да посапывает, а Ирка дышала тихо-тихо. Похоже, она не очень-то поверила вранью насчет кошки и тоже прислушивалась. А напуганные возней Блинкова-младшего мыши обнаглели, вернулись к своим обвалившимся тоннелям в сене и принялись за восстановительные работы. Они как ненормальные носились по шуршащей, пересушенной траве, копошились и с хрустом что-то грызли.

– Скажешь, и это не мыши? – обмирающим голосом спросила Ирка. Было понятно, что ей очень-очень хочется, чтобы Блинков-младший именно так и сказал: конечно, мол, не мыши, спи.

– Это сено. Мы же все переворошили, а теперь оно укладывается, – сказал Блинков-младший и подумал, что этого вранья от силы хватит минуты на две, а потом Ирка сообразит, что к чему. Спать уже не хотелось. Разве до сна, когда сейчас такое начнется!

И началось. «Сено», вместо того чтобы честь по чести укладываться, вдруг с писком передралось где-то совсем рядом с Ирккой. Почти в тот же момент сверху плюхнулась невесть откуда взявшаяся кошка и начала устанавливать свой порядок. Писк стал таким отчаянно пронзительным, что можно было бы сверлить им зубы.

– Папочка!!! – басом взревела Ирка и, чудом не наступив на Блинкова-младшего, кинулась к стене.

В темноте громынуло какое-то рухнувшее с гвоздя корыто, на него тут же посыпались не то палки, не то черенки граблей и лопат, а в довершение всего упала велосипедная рама. Раму Блинков-младший угадал совершенно точно, потому что ему здорово досталось рулем по коленке, а потом, вскакивая, он еще запутался в ней ногами, упал и получил велосипедной педалью под ложечку.

– Митек! – Иркин голос доносился из-под крыши. – Митек, ты жив?

От удара у Блинкова-младшего перехватило дыхание. Он стоял, скрючившись, и не мог ответить.

– МИТЕК!!!

И тут безо всякой видимой причины дверь сарая начала со скрипом приоткрываться. Пятно лунного света, увеличиваясь, скользнуло по стене, и в двух шагах от себя Блинков-младший увидел молочно-белое привидение и сверкающее лезвие косы!

– МИТЕК, НЕ МОЛЧИ!!! – заверещала Ирка. Теперь можно было рассмотреть, что она лежит на досках сеновала, свесив голову и уставившись на привидение застывшим взглядом.

Блинков-младший хотел попросить, чтобы Ирка подала ему руку, но смог только пискнуть, как несчастная мышь в зубах у кота. А белый саван привидения качнулся в воздухе. Ног под ним не было!

Не помня себя, Блинков-младший взлетел по дощатой стене сарая и прижался к Ирке – единственной живой душе в этом загробном мире. Ирка обняла его так, что под ложечкой опять заныло.

Привидение колыхалось на месте, не отваживаясь напасть. В его движениях чудилось что-то знакомое. Так покачивается занавеска на сквозняке.

Не успел Блинков-младший сказать про себя: «Занавеска на сквозняке» – как могильный саван стал обычной белой тряпкой, зацепившейся за кончик прислоненной к стене сарая косы. А коса оказалась не орудием смерти, а сельскохозяйственным инструментом. Чтобы траву косить. Так уж устроен человек: если он что-нибудь плохо видит, воображение дорисует недостающее. Скажешь себе, что белое пятно – привидение, и увидишь привидение, а скажешь «тряпка» – будет тряпка.

Тьма на сеновале стояла кромешная, только слабо светились щели в полу да кое-где сквозь дырявую кровлю пробивались пятнышки лунного света. Продолжая расследование, Блинков-младший потрогал Ирку за ногу. Само собой, получил по руке, но убедился, что джинсы она сняла, и уже с полной уверенностью спросил:

– Разделась и спала под простыней?

– Отвали! – на всякий случай сказала Ирка и захихикала. До нее дошло. – Ой, Митек! А я-то!.. А ты?! Ты же «мама» сказать не мог, только пищал.

– Зато я не лез на стену от мышей и не развешивал по косам свои простынки, – буркнул Блинков-младший.

Ирка захлопала носом.

– Да, тебе хорошо, ты мышей не боишься. А я ни разу в жизни не видела живую мышь и боюсь их ужасно.

– Я тоже ни разу не видел мышей, – сказал Блинков-младший, – и поэтому не боюсь. Как можно бояться того, чего не видел?

– Привидений ты тоже не видел, а испугался! – начала спорить Ирка. Но тут в ее девчачьих мозгах соскочил какой-то рычажок, и она ни с того ни с сего толкнула Блинкова-младшего в грудь: – Ой, я же не одета! А ты и рад, за ноги хватаешься. Отодвинься сейчас же!

– Я могу совсем уйти, – обиделся Блинков-младший.

Держась за стену, он отошел к противоположному скату крыши и улегся на доски. Было жестко и не хватало подушки.

– Не смотри на меня, – сказала Ирка.

– Так ничего ж не видно, ты в тени.

Ирка подумала и сообщила:

– Я в трусиках и в футболке, как на «физ-ре», так что не фантазируй лишнего.

– Я и не фантазирую. Я спать хочу.

– Тебе хорошо, ты в джинсах, а я с голыми ногами, – заныла Ирка.

Блинков-младший свесился с досок и посмотрел вниз. Лунный свет из двери сарая уверенно освещал только самое опасное место, где у стены торчала коса с зацепившейся Иркиной простыней и валялась рама от велосипеда. В сене белели Иркины джинсы и еще одна простыня, а все, что цветом потемнее, глаз не различал. Там запросто могло валяться что угодно: палки, грабли, вилы. Это не вызывало никакой охоты прыгивать с трехметрового сеновала. Но Блинков-младший слишком хорошо знал Ирку. Сначала она будет полночи ныть, чтобы он достал ее простыню. Потом, если приказать себе ни в коем случае не поддаваться, прыгнет сама. Но с мышами, конечно, не останется, и придется втаскивать ее на сеновал. А оставшуюся половину ночи Ирка посвятит докладу на тему: «Какое ничтожество и трус этот Блин».

– Хочешь, я тебе свои джинсы отдам? – без особой надежды предложил Блинков-младший.

– Вот еще! – фыркнула Ирка. – А почему бы тебе не слезть и не бросить мне простыню? Тоже, что ли, мышей боишься?

Блинков-младший молча встал и, сложив ноги вместе, как парашютист, прыгнул в сено.

К счастью, он попал не на вилы, не на грабли и даже не на палку. Он попал всего-навсего на притаившуюся в засаде кошку. Раздался бешеный мяв. Ошалевшая от испуга, но невредимая кошка вырвалась из-под упавшего на бок Блинкова-младшего, расцарапала ему руку и с воем вылетела из двери сарая.

– Что это было, Митек? – спросила Ирка.

– Полтергейст. Необъяснимое явление потустороннего мира, – сообщил Блинков-младший. – Мохнатый, уши торчком, а больше я ничего не разглядел.

Глава 7

Головоломка пока что не складывается

Заря позолотила серые покосившиеся избы Малых Грязюк. Солнечный зайчик пробрался сквозь щелку и угодил Блинкову-младшему в глаз. Митек проснулся и не сразу понял, где он. Высоко над ним была крыша, такая дырявая, что напоминала карту звездного неба. Спина затекла. Он лежал с задранными кверху ногами, как утонувшая в своих пуховиках Принцесса на горошине. Только вместо горошины под самую поясницу ему подсунули жесткую дворницкую метлу.

Блинков-младший запустил руку за спину и почувствовал, что, в общем, так оно и есть: пересохшие травы рассыпались под ним в труху и остались одни жесткие одревеневшие стебли, мало похожие на сено.

На досках сеновала под крышей умиротворенно сопела Ирка. Снизу Блинков-младший видел только ее свесившуюся ступню с розовыми и круглыми, как пуговички, пальцами. У стены валялась всякая дребедень, которую они с Ирккой сбросили впотымах, карабкаясь на сеновал. Присмотревшись, Блинков-младший ужаснулся: грабли, вилы, еще одна коса, помимо «косы привидения», ловко пристроенной между двумя гвоздиками на стене. Эта вторая, не замеченная вчера коса торчала сабельным острием вверх в каком-нибудь метре от того места, где он прыгнул на кошку – там, в сене, осталась четкая двойная вмятина от ног.

В общем, дуракам счастье. Надо сегодня же купить фонарик.

Вставать не хотелось. Блинков-младший перебрался на лежавший рядом старый бабулин ватник и стал думать о задании полковника Кузина. У него накопились кое-какие наблюдения, но их, конечно, не хватало, чтобы выстроить цельную картину. Это пока что было несколько кусочков головоломки из нескольких сотен.

Первое: почему Иван Сергеевич так настойчиво выпроваживал Ирку в деревню? «Ирина, это действительно нужно, ты мне очень поможешь...» Если бы он тоже дал ей задание, тогда было бы ясно, чем она может помочь. Но ведь не дал.

Второе: Николай пытается использовать Ирку втемную, подводя ее к обитателям особняка под медной крышей. Зачем? Возможно, для того, чтобы разузнать что-то через нее (но какая в таком случае гарантия, что Ирка, даже все разузнав, передаст это Николаю? Они ведь не подружки закадычные). Значит, вероятнее всего, ему нужно не узнать, а передать через Ирку важную информацию – может быть, подлинную, а может быть, чистейшую «дезу». Интересно – это уже пункт третий, – какую тайну или дезинформацию, сама того не подозревая, должна сообщить обитателям особняка Ирка?

Четвертое – Николай. Почему он все время врет? Пускай у него характер такой легкомысленный, но врать без передышки много часов подряд – чересчур даже для самого заядлого болтуна и фантазера. В этом есть что-то ненастоящее.

Так, а зачем вообще люди врут, если не только ради удовольствия? Чтобы скрыть правду. Есть знаменитый рассказ Эдгара По о спрятанном письме. Сыщики выстукивали стены и рассматривали в лупу мебель, разыскивая, где бы мог быть тайник с этим важным письмом. И никому в голову не пришло, что тайну не обязательно прятать в тайнике. Иногда можно выставить ее напоказ, и люди пройдут мимо, не поняв, что это и есть тайна. В том рассказе письмо лежало на видном месте, только адрес на конверте был другой... А вдруг Николай наврал с три короба, чтобы Блинков-младший с Ирккой не догадались, что среди его врак спрятан самый настоящий жгучий секрет?!

И, наконец, бабуля. Она, конечно, старенькая, но агент должен отрабатывать все версии. Кстати, эта старенькая бабуля так спешила встречать гостей, так спешила, что за минуту свалилась три раза. И три раза поднялась, а это уже похоже на солдатское упражнение «встать-лечь»! Или взять ее два голоса – нормальный и певучий, как у крепостных крестьянок в детских фильмах-сказках. Как будто говорят разные люди: Бабуля-С-Нормальным-Голосом видит очень тонкую разницу между словами «кроликовый» и «кроличий», а Бабуля-Певучая называет повидло «повидлой». А ее спортивная курточка? А шепотки на ухо Николаю, вместо того чтобы прямо сказать Блинкову-младшему с Ирккой: отправляйтесь, мол, ночевать на сеновал, а то в доме ни лишней кровати, ни дивана? Чего она боялась или стеснялась?.. А в остальном – даже симпатичная бабуля. Не капризная, не занудливая и не жадная.

Вот пока и все. Головоломка не только не складывалась – она, похоже, была совсем не той, которую требовалось сложить полковнику Кузину. Судя по всему, в настоящей головоломке главными фигурантами должны стать обитатели особняка, а не полицейский и его бабуля.

Но!

Если честно сказать себе, что полковник и тебя, Дмитрия Блинкова, использует «втемную» (разве что говорит чуть-чуть побольше, чем Ирке), то возможны и другие версии. Скажем, все спецслужбы проводят операции «чистые руки», то есть ищут предателей среди собственных сотрудников. А вдруг полковник заподозрил в чем-то Николая? В таком случае возможна изящная и безотказная комбинация: Николаю полковник говорит, что внедряет Блинкова-младшего с Ирккой в особняк, а на самом деле внедряет их к простоватой бабуле! Рано или поздно старая сболтнет – мол, какой хороший внук мой Колюшка: в доме крыша течет, а он подпол отремонтировал. И тут уж задача Блинкова-младшего – не пропустить подзрительный факт и доложить о нем полковнику. Может, в этом подполе замурованы полученные им в форме взятки доллары!

Подумав так, Блинков-младший, конечно же, не бросился выстукивать стены в подполе. Не в его правилах было цепляться за первую попавшуюся версию, а тут и версии-то никакой не было – просто мимолетная выдумка. (С таким же основанием, вернее без оснований, можно было заподозрить Николая в связях с разведкой Сингапура.) Но эта выдумка подсказала, что и бабуля может стать полезным источником информации. Нужно понаблюдать за ней, а главное – послушать.

Словом, ситуация напоминала типичный квест – компьютерную игру-бродилку.

Вначале один из персонажей или сразу несколько (Иван Сергеевич и мама) сообщают правила игры и твою задачу. Но верить им до конца нельзя, они обязательно что-то недоговаривают, а иначе-то, если все заранее знать, увлекательная бродилка превратится в самую примитивную стрелялку.

Потом тебе предлагается выбрать вещи, которые то ли пригодятся в твоих приключениях, то ли окажутся лишними. Скажем, диктофон может пригодиться, а кролик – обуза, но ничего не напишешь: он живой, его не оставишь на неделю, как недочитанную книжку.

И, наконец, ты отправляешься в путешествие, понятия не имея, когда и где оно закончится и кто из встреченных тобою окажется другом, а кто – врагом.

А враг был. Блинков-младший не сомневался в этом, несмотря на все разговоры мамы и полковника о «самой обычной проверке», которая может и не дать результата.

Может быть, враг встретится ему сегодня.

А может быть, уже встретился?!

– Митек, море! – вдруг закричала Ирка.

Ничего не понимая, Блинков-младший полез к ней на сеновал. Это оказалось куда проще, чем ночью: цепляйся за набитые поперек стены доски, только и всего.

Припав к щели под крышей, завернутая в простыню Ирка тыкала пальцем перед собой, как будто Блинков-младший мог видеть сквозь стены.

– Настоящее море, без берегов!

Он разыскал себе щелку рядом с ней и посмотрел.

Совсем недалеко, за бабулиным огородом, плескалось и слепило глаза солнечными зайчиками море. Оно было не зеленоватым, как Карибское, не темно-синим, как Черное, и не мутно-желтым, как Азовское у размытых глинистых берегов, а серым, как Москва-река. А в остальном – стопроцентное море с туманным островом вдали и без дальнего берега.

– Это же Псковское озеро! – догадалась Ирка.

Блинков-младший рассеянно поддакнул. В огороде он заметил бабулю во вчерашнем спортивном костюме с тремя полосками на рукаве. Низко нагибаясь над грядками, она рвала какую-то зелень. У нее была поджарая фигура пловчихи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.